

Энергетика на доверии

ВАЛЕРИЙ АНДРИАНОВ

«Нефтегазовая Вертикаль»

Участники Петербургского международного экономического форума в своих выступлениях неоднократно шуточно благодарили президента США Дональда Трампа, который собрал их в одном зале. Действительно, американские санкции в последнее время вызывают все больше недовольства со стороны политических и деловых кругов различных государств. И вместо того чтобы изолировать и «порвать в клочья» экономику тех стран, против которых они направлены, данные ограничения способствуют консолидации противников гегемонии США.

Недаром девизом ПМЭФ-2018 стала фраза «Создавая экономику доверия». Именно взаимное доверие должно стать альтернативой санкционным ограничениям, превратиться в драйвер развития глобальной экономики.

Доверие особенно актуально для сектора энергетики. В то время как санкции уже в обозримом будущем грозят привести к дефициту поставок углеводородного сырья, механизмы доверия позволяют достигнуть рыночного баланса. Яркая иллюстрация тому – успешная реализация соглашения ОПЕК+.

В газовом бизнесе также не обойтись без доверия. Различные закулисные политические игры грозят энергетической безопасности Европы, в то время как честный бизнес «с открытым забралом» может стать залогом надежного снабжения Европы чистым и недорогим топливом.

САНКЦИИ – ФАКТОР РИСКА

Тон дискуссии на энергетическую тематику на ПМЭФ уже не первый год подряд задал глава «Роснефти» Игорь Сечин, выступивший с программным обстоятельным докладом. Он отметил, что сейчас происходят глубокие изменения на рынках, трансформация нефтегазовой отрасли и энергетики в целом. И для кого-то эти процессы станут источником новых рисков, а для кого-то – новых возможностей.

Как подчеркнул И. Сечин, прогнозы ведущих аналитиков и компаний свидетельствуют о том, что уровень спроса на углеводороды к 2040 году будет выше, чем сегодня. При этом необходимо восполнять новыми ресурсами выбывающие старые мощности – в объеме до 40 млн барр/сут. к 2040 году, что потребует масштабного притока инвестиций в отрасль.

Но возможно ли будет обеспечить увеличение добычи и стабильность инвестиций?

«К сожалению, сегодня никто из участников отрасли и потребителей энергии не может абстрагироваться от исключительно нерыночных обстоятельств, в которых работает отрасль, прежде всего – в части разного рода санкций и ограничений. В результате растет самое опасное для развития отрасли – непредсказуемость условий нашей общей работы», – подчеркнул И. Сечин. В частности, решение США о выходе из соглашения об иранской ядерной программе ставит под санкционный риск около 5% мировой добычи и около 10% мировых доказанных запасов нефти. А если учесть санкции против Венесуэлы и России, то под односторонние ограничения со стороны США попадает около трети мировых запасов!»

По мнению главы «Роснефти», такая политика не может не привести к появлению перманентной «санкционной премии» в цене. И через какое-то время мы сможем говорить о санкционном сырьевом «суперцикле» и уже в близкой перспективе увидим новые ценовые рекорды. И они будут достигнуты не в результате действия соглашения ОПЕК+, а вследствие односторонней санкционной политики. В итоге расплачиваться придется и американским, и европейским потребителям.

Крупнейшие нефтегазовые компании в условиях резкого падения цен и доходов предприняли беспрецедентные шаги по повышению эффективности своей деятельности

Помимо санкций, одним из постоянно упоминаемых факторов риска для рынка нефти являются перспективы развития электромобилей. Однако, как напоминает И. Сечин, обещанный компанией «Тесла» масштабный выпуск бюджетного электромобиля «Тесла-3» так пока и не состоялся. В результате энтузиазм инвесторов относительно перспектив данной компании стал более сдержанным. При этом многие регуляторные инициативы продолжают искажать экономику автомобильной отрасли.

«В целом отмечу: мы наблюдаем полное отсутствие ответственного регулирования, в котором так нуждается наша отрасль. Уже в который раз принимаются регуляторные решения вопреки логике развития отрасли и в противоречии с объективными интересами участников рынка. Эти решения слишком быстры, масштабны и не встроены в существующие производственные и логистические цепочки... А при волюнтаристских подходах к регулированию не избежать новых волн волатильности на рынках», – подчеркивает глава «Роснефти».

В качестве примера он приводит устанавливаемые Международной морской организацией ограничения на использование топливного мазута. Есть риск, что они могут негативно повлиять на рынок перевозок.

ПРИЧИНЫ СТАБИЛИЗАЦИИ

Переходя к анализу состояния нефтяного рынка, И. Сечин отметил, что в прошлом году отрасль совместными усилиями ответственных участников смогла преодолеть острый период нестабильности, грозивший привести к разрушительным последствиям. Однако и здесь не обошлось без санкций – значительный вклад в достижение баланса на рынке внесло резкое падение добычи в Венесуэле, ставшее результатом нерыночных мер воздействия на эту страну. В нынешний скачок цен большой вклад внес также кризис вокруг Ирана. И его развитие может привести к значимому сокращению поставок на мировой рынок.

При этом крупнейшие нефтегазовые компании в условиях резкого падения цен и доходов предприняли беспрецедентные шаги по повышению эффективности своей деятельности. Они сконцентрировались на наиболее устойчивых проектах и продолжали закладывать основу для долгосрочного удовлетворения спроса на углеводороды.

Как подчеркивает И. Сечин, стабилизация на рынке нефти была обусловлена в решающей степени уверенным ростом спроса на жидкие углеводороды. По оценкам МЭА, в 2017 году он увеличился на 1,6 млн барр/сут. и составил 97,8 млн барр/сут. При этом около 35% прироста пришлось на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Но даже в Европе наблюдался прирост потребления – примерно на 360 тыс. барр/сут. В результате началось сокращение избытка коммерческих запасов нефти и нефтепродуктов, что и привело к росту цен в 2017–2018 годах.

Нельзя недооценивать и влияние финансовых факторов. «Если мы учтем вклад инфляции и ослабления доллара, то нынешний уровень цен на нефть в ценах начала 2000-х годов составляет менее \$45 за баррель», – отмечает глава «Роснефти».

Можно ли считать достигнутый уровень котировок достаточным для нормального развития рынка? Как напоминает И. Сечин, большинству ближневосточных государств для балансирования бюджета необходима цена нефти на уровне \$70–80/барр, даже с учетом секвестра бюджетных расходов. Да и целый ряд других производителей, прежде всего американских сланцевых, нуждаются в высокой стоимости нефти. Поэтому для того чтобы сделать вывод о справедливости текущего уровня цен, надо проанализировать большой объем информации.

Конечно, важнейшим фактором развития глобального нефтяного рынка остается американская сланцевая революция. Со второго квартала 2017 года

отмечается рост сланцевой добычи в США, ставший наиболее заметным с четвертого квартала. Немаловажным стимулом для этого стала реформа налогообложения в США, обеспечившая улучшение экономики сланцевых проектов и приток инвестиций в отрасль. Согласно прогнозам, в 2018 году сланцевая добыча вырастет на 1,1–1,4 млн барр/сут.

Но сланцевая революция связана и с рядом существенных рисков. Это инфраструктурные ограничения, дефицит сервисных организаций и квалифицированных кадров, рост обводненности скважин, постепенное исчерпание запасов наиболее рентабельных участков, проблемы с утилизацией попутного газа, повышение процентных ставок, инфляция издержек и т.д.

Таким образом, рост сланцевой добычи продолжится, но он имеет свои ограничения по масштабам и продолжительности и требует постоянного развития технологий.

В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ

Как же обеспечить долгосрочную стабилизацию нефтяного рынка? По мнению И. Сечина, «ответственные производители, во взаимодействии с другими участниками рынка, должны найти новые формы сглаживания данных колебаний уже в среднесрочном плане».

В частности, назрел переход к новому этапу взаимодействия стран-экспортеров. Оно должно быть более гибким, адаптирующимся к динамике и долгосрочным запросам рынка. Еще одна важная практическая задача – формирование региональных сервисно-технологических хабов, которые способствовали бы улучшению доступа к трубопроводному транспорту и терминалам. Это позволило бы перенаправлять ресурсы, оборудование, стройматериалы и сервисные мощности в наиболее напряженные зоны.

Важную роль играет и развитие биржевой торговли. При этом И. Сечин обращает внимание на то, что растут объемы торговли энергоресурсами в национальной валюте, развиваются альтернативные биржевые площадки (например, в Китае и на Ближнем Востоке). Так, 26 марта на Шанхайской международной энергетической бирже прошли первые торги нефтяными фьючерсами в юанях. Интерес к ним проявили такие ведущие глобальные трейдеры, как Glencore и Trafigura. В этом же направлении действует Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа (СПбМТСБ) при поддержке ведущих российских компаний.

По мнению И. Сечина, важной задачей мировой энергетики является повышение уровня ее инвестиционной привлекательности. Не в последнюю очередь это актуально и для России, где накопились фискальные дисбалансы. В результате EBITDA блока downstream «Роснефти» сегодня не превышает 7% от консолидированной EBITDA всей группы компаний – ничтожный показатель. А ведь «Рос-

нефть» имеет доминирующую долю на внутреннем рынке нефтепродуктов, владеет 13 крупными НПЗ и вложила в их модернизацию более 1 трлн рублей!

«Нам необходимо находить устойчивые решения, которые, с учетом роста мировых цен на нефть и получения бюджетом дополнительных доходов, позволят создать нормальные стимулы для развития нефтепереработки и нефтегазохимии. Такие подходы мы начали прорабатывать с Правительством Российской Федерации», – заявил И. Сечин.

СТРАТЕГИЯ «РОСНЕФТИ»

Насколько готова ко всем этим глобальным вызовам сама «Роснефть»? Ее стратегия развития на период до 2022 года, по словам И. Сечина, включает в себя и технологическое перевооружение, и организационные инновации, и выход на новые рубежи в сотрудничестве с партнерами.

К 2022 году «Роснефть» планирует обеспечить ежегодный рост добычи не менее чем на 2 %

К 2022 году планируется обеспечить ежегодный рост добычи не менее чем на 2%. Эта задача должна быть решена за счет проведения геолого-технических мероприятий на зрелых месторождениях, включая Самотлорское, а также благодаря активной разработке ряда новых перспективных объектов (Ванкорский и Эргинский кластеры, Русское и Северо-Комсомольское месторождения). Намечается и рост добычи трудноизвлекаемой нефти.

Собственный парк буровых станков у «Роснефти» составляет свыше 300 единиц, а с учетом подъемных установок для капитального ремонта скважин – свыше 1 тыс. штук. Уровень обеспеченности собственным буровым флотом превышает 50%, а флот ГРП входит в топ-5 лидеров российского рынка.

Стратегия развития предполагает, что «Роснефть» доведет добычу газа до более чем 100 млрд м³ в год и займет долю в 20% на газовом рынке РФ.

«Роснефть» уделяет особое внимание развитию технологического потенциала и использованию прорывных технологических подходов. В частности, в компании активно применяются построение глубинно-скоростных моделей, волновое моделирование, бескабельные технологии полевых наблюдений. В результате в 2017 году на суше России была достигнута максимальная историческая успешность геологоразведки – 86%.

Уделяется особое внимание вопросам роботизации и автоматизации производства. Так, с 2016 года внедряется система комплексного сопровождения, позволяющая отследить процесс

бурения каждой скважины – от начала разработки технического задания на проектирование до ввода в эксплуатацию. Фактически создается цифровой близнец скважины.

В среднесрочной перспективе планируется организовать полностью роботизированные буровые участки, сведя к минимуму человеческое участие в опасных производственных процессах.

Внедрены передовые системы поддержания добычи на месторождениях, находящихся на четвертой стадии разработки. Освоена технология строительства многозбойных скважин с количеством ответвлений до 10 стволов и общей протяженностью 7,5 км. Активно используется метод бурения многоствольных горизонтальных скважин по технологии fishbone. Разработан и промышленно внедрен импортозамещающий симулятор гидроразрыва пласта РН-ГРИД.

«В сложных и непредсказуемых условиях «Роснефть» останется надежным и открытым к сотрудничеству партнером. Мы будем продолжать привлекать партнеров и реализовывать совместные интегрированные проекты. Иными словами, продолжать быть в авангарде обеспечения мировой энергобезопасности, оставаться настоящим лидером отрасли – в этом наша ответственность. Политическая конъюнктура появляется и исчезает, а ответственное поведение лидеров отрасли – это наш общий долг и основа для устойчивого развития мировой экономики», – подытожил И. Сечин.

ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ К РЫНКУ

Главный тезис выступления главы «Роснефти» о губительном влиянии различного рода санкций и дефиците доверия в современном мире поддержали и другие участники дискуссии по энергетической тематике. В частности, министр энергетики РФ Александр Новак, выступивший в рамках двух сессий в рамках ПМЭФ.

«К сожалению, сегодня санкции – это один из методов, которые используются с точки зрения протекционизма, снижения конкуренции на мировых рынках. Это одна из основных проблем, которая сегодня мешает привлечению инвестиций. Компании теряют от санкций, оттого что они не могут реализовывать свои проекты в России, в Иране. Протекционизм, продвижение нерыночными методами своего товара некоторыми странами – это большая проблема, которая с каждым годом все больше и больше усиливается. Санкции – это не новый механизм, он уже десятилетия назад применялся. Но то, что происходит сегодня, вызывает большую озабоченность... Поэтому нам всем необходимо задуматься над тем, как возвращаться к рыночным методам привлечения инвестиций», – отметил А. Новак.

Вместе с тем министр отметил положительные сдвиги на глобальном углеводородном рынке. Так, год назад, во время проведения ПМЭФ-2017, цена

нефти составляла \$51,5/барр, а в дни проведения нынешнего форума – \$78. Запасы год назад были выше среднего пятилетнего значения на 323 млн барр, ныне они ниже этого уровня на 20 млн барр.

Конечно, это не повод для самоуспокоения. Перед глобальной энергетикой, и российской в том числе, стоят большие задачи. «Приоритеты развития страны и национальные задачи были обозначены в Послании Президента РФ В.В. Путина 1 марта этого года, и они нашли отражение в майском указе. Четко обозначены необходимость прорыва в технологиях, модернизации всех секторов экономики, увеличения объемов ВВП в полтора раза на душу населения, закрепления в пятерке ведущих экономик мира. Я думаю, что все поставленные задачи, в том числе и в развитии человеческого капитала, в улучшении благосостояния населения связаны и с развитием энергетики. Это означает, что наши задачи связаны в первую очередь с обеспечением надежного и доступного снабжения энергоресурсами внутреннего рынка, а также с сохранением лидирующих позиций на мировых рынках», – подчеркнул глава Минэнерго.

Что необходимо сделать для того, чтобы достигнуть этих целей? Александр Новак четко проранжировал приоритеты. Требуется продолжать создание стимулов для привлечения инвестиций (в том числе путем формирования стабильной налоговой системы), модернизировать инфраструктуру и нефтепереработку, развивать нефтегазохимию. Очень важно внедрять современные технологии – в первую очередь цифровые.

ОПЕК+ ЖИВ И БУДЕТ ЖИТЬ

За рамками дискуссии на ПМЭФ не могли остаться результаты действия сделки ОПЕК+, тем более что в одном зале собрались ключевые фигуры этого соглашения – глава ОПЕК, министры энергетики России и Саудовской Аравии.

«Понятно, что для нефтегазовой отрасли высокие цены – это в большей степени положительный эффект. Тем не менее мы должны очень серьезно относиться к оценке текущих цен, к их стабильности, к тем факторам, которые влияют на формирование этой цены – насколько они фундаментальны, насколько в них заложены какие-то разовые процессы, связанные с введением санкций относительно нескольких стран либо с резким падением добычи в таких странах, как Венесуэла. Конечно, мы должны оценивать стабильность спроса... История показывает, что при высоких ценах падает спрос, и это тоже негативно влияет на развитие нефтяной отрасли. Более стабильная цена означает и более стабильные условия для развития отрасли», – подчеркнул А. Новак.

Но что такое стабильная цена? Российский министр справедливо отметил, что определить ее крайне трудно. В 2012–2014 годах, когда котировки находились на уровне примерно \$100, именно они казались впол-

не справедливыми. Но непредсказуемое развитие событий резко изменило ситуацию на рынке. И сегодня рано говорить о том, что уровень в \$75–80, на который вернулись нефтяные цены, – стабильный. Прежде чем делать окончательные выводы, предстоит провести тщательный анализ всех факторов.

В свою очередь, министр энергетики, промышленности и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Халид аль-Фалих отметил, что на рынок воздействуют как фундаментальные факторы, так и текущие политические события. Страны-производители в рамках соглашения ОПЕК+ также пытаются своими коллективными решениями влиять на ситуацию и достигли в этом значительного успеха – рынок уже близок к точке балансировки.

Безусловно, участников ПМЭФ в первую очередь волновал вопрос о том, какова будет дальнейшая судьба соглашения ОПЕК+. Будет ли на июньской встрече его участников объявлено о прекращении сделки? Халид аль-Фалих прозрачно намекнул на то, что следует ждать изменений: «Мы в июне будем более детально обсуждать, каким будет баланс, каковы будут инструменты для его измерения. Средний пятилетний объем запасов – это движущийся показатель, год от года он подвержен изменениям».

Но при этом саудовский министр подчеркнул, что ожидаемое снятие ограничений на добычу будет постепенным процессом. Скорее всего, оно начнется во второй половине текущего года. Некоторые эксперты предполагают, что участники сделки ОПЕК+ примут решение увеличить добычу на 1 млн барр/сут. Однако Халид аль-Фалих и его партнеры по данному соглашению воздержались от какой-либо конкретики. «Сейчас преждевременно говорить о какой-то цифре, она должна быть посчитана, мы должны очень тщательно подойти к этому вопросу», – заявил А. Новак.

Впрочем, независимо от того, какое решение будет принято в июне, оно не подорвет «единства рядов» участников сделки. Восстановление цен и сокращение запасов – это лишь видимая часть айсберга. Но главный эффект сделки заключается в том, что она проложила путь к долговременному сотрудничеству стран-производителей «черного золота».

«Мы достигли новой фазы в развитии нашей организации. Особенно в части партнерства со странами – не участниками ОПЕК... Все участники соглашения подтвердили свою приверженность достигнутым договоренностям. Они решили совместно помочь рынку успешно пройти через этот неприятный цикл, от которого пострадали все производители. И мы можем смотреть в будущее с уверенностью. Что бы мы ни решили в июне, или после этого срока, все это будет осуществлено», – выразил уверенность генеральный секретарь ОПЕК Мохаммед Баркиндо.

Он также подчеркнул, что даже если усилия ОПЕК и ее союзников не остановят цикличность нефтяной отрасли, то, по крайней мере, они сведут

к минимуму последствия тех колебаний, которые наблюдались два-три года назад.

МЕЙДЖОРЫ ПРОТИВ ПОЛИТИЗАЦИИ

Безусловно, большой интерес представляет взгляд на нынешнюю ситуацию на рынке со стороны топ-менеджеров ведущих глобальных нефтегазовых корпораций, которые были весьма широко представлены на ПМЭФ-2018. Компании-мейджоры, с одной стороны, избавлены от необходимости сокращать свою добычу, следуя стратегии ОПЕК+. С другой стороны, они также страдают от падения нефтяных котировок и от различных санкций, вводимых по политическим мотивам. Последний яркий пример – вынужденный уход Total из Ирана. И дискуссия на форуме показала, что международные компании также весьма озабочены проблемой политизации отрасли.

Главный исполнительный директор BP Роберт Дадли отметил, что перед миром стоят большие вызовы. Необходимо обеспечить доступной энергией рост населения на 2 млрд человек и в то же время снизить вредные выбросы. Прогнозируется, что в ближайшие 25 лет миру потребуется на треть больше энергии, чем сегодня. При этом в энергобалансе равные доли, по 25%, будут приходиться на нефть, газ, уголь и прочие источники. Иными словами, роль углеводородного сырья сохранится.

«В мире 1,4 млрд человек не имеют доступа к электричеству. Чистая возобновляемая энергия – это хорошо, но ответ на вызовы не может быть основан только на ВИЭ. Сегодня на них приходится только 3% мирового энергобаланса, к 2040 году эта цифра вырастет до 15%», – подчеркнул Р. Дадли.

BP активно инвестирует в возобновляемую энергетику, но приведенные прогнозы вынуждают также не оставлять без внимания и традиционную сферу деятельности компании – добычу нефти и газа. Как отмечает господин Дадли, в период высоких цен на нефть в отрасли возник перегрев, реализовывалось много дорогостоящих проектов. Но после падения котировок была осуществлена очень болезненная корректировка. И сегодня BP, несмотря на сокращение инвестиций, сохраняет примерно прежний уровень активности за счет достигнутой экономии расходов.

И досадно, что помимо рыночных пертурбаций на деятельность нефтегазовых компаний негативно влияют и политические факторы. «Санкции – это проблема, однако мы должны следовать этим правилам и нормам. Но они быстро меняются. Два года назад нас призывали со стороны госсекретаря США инвестировать в Иран. И мы сказали: давайте это проверим очень простым методом. Давайте закупим одну партию нефти. И через полгода один штат США, где у нас расположено нефтехимическое предприятие, создал для нас в связи с этим проблемы. Мы больше не будем пробовать входить в эту реку... Также в России существуют опре-

деленные санкции. Мы их соблюдаем. Но при этом мы ведем очень успешный бизнес с Россией. Я уверен, что это продолжится», – сказал Р. Дадли.

Точно такое же отношение к политически мотивированным ограничениям, но еще в более яркой и эмоциональной форме, выразил глава компании, ставшей первой жертвой новой волны американской санкционной политики, – президент Total Патрик Пуянне. Признавая, что санкции США против Ирана – большой вызов всему остальному миру, он вместе с тем отметил неизбежность их соблюдения со стороны своей компании. «Я не могу управлять такой компанией, как Total с такими угрозами – не имея доступа ни к американской банковской системе, ни к американским акционерам, даже не имея возможности посещать территорию США. Мы глобальная компания, перед нами стоят большие вызовы, но я не политик, я руководитель бизнеса. И наша задача – наводить мосты между странами, развивая проекты. Поэтому продолжение проектов в Иране возможно только в случае послаблений американских санкций», – признал П. Пуянне.

Независимо от того, какое решение будет принято в июне относительно соглашения ОПЕК+, оно не подорвет «единства рядов» участников сделки

Вместе с тем Total продолжает активно работать в России – в той мере, насколько это не противоречит американским санкциям. Так, в рамках ПМЭФ-2018 Патрик Пуянне и председатель правления НОВАТЭКа Леонид Михельсон подписали соглашение об условиях вхождения французской компании в проект «Арктик СПГ2». Документ предусматривает покупку Total 10%-й доли в проекте, а также право приобретения еще 5%, в случае если НОВАТЭК решит сократить свою долю ниже планируемых 60%.

«Это лучший ответ (на санкции – Ред.), который такие компании, как наша могут дать. Мы должны продолжать работать и развивать наши проекты, которые полностью соответствуют международным условиям. У нас есть одна страна, которая хочет навязывать другим странам верховенство своего закона. Но я ничего не могу тут сказать. Я должен продолжать реализовывать проекты», – констатировал П. Пуянне.

НЕ ГОНЯТЬСЯ ЗА СВОИМ ХВОСТОМ

В условиях политической нестабильности и окончательно не определившейся динамики нефтяных цен крупнейшие нефтегазовые компании вынуждены искать стратегии выживания. Как показала дискуссия на ПМЭФ-2018, их спектр весьма широк.

Так, главный исполнительный директор Royal Dutch Shell Бен ван Берден подчеркнул, что прогнозирование котировок – заранее обреченное на провал занятие. Они могут колебаться в диапазоне от \$30 до \$100. Поэтому компаниям нужна гибкая стратегия. В частности, Shell отдает предпочтение проектам с наиболее низкой себестоимостью добычи. Сейчас в ее портфеле нет проектов, которые требовали бы для своей окупаемости мировых цен выше \$40/барр. Хотя в долгосрочной перспективе котировки, скорее всего, будут выше этого значения.

Вместе с тем и слишком высокий их уровень может оказаться вредным для отрасли. «Я не очень ожидаю цены выше \$80, потому что это приведет к неэффективности, инфляции в нашем секторе и к другим нездоровым вещам. В прошлом году сорт Brent стоил в среднем по \$53/барр. И мы сгенерировали столько же кэша, как и при ценах в \$100. Пусть лучше будет такая устойчивость, чем гоняться за собственным хвостом», – подчеркнул ван Берден.

Президент ExxonMobil Production Нил Даффин отметил, что решающую роль на рынке в ближайшие годы будет играть не столько эволюция цен, сколько технологические прорывы и возможности расширения сотрудничества (в том числе с сервисными компаниями). Важно также диверсифицировать набор ресурсных баз, включая разработку трудноизвлекаемых запасов. «Компания инвестирует в различные типы ресурсов по всему миру. Комбинация новых технологий, навыков и компетенций обеспечивают наше движение вперед. Помимо разведки и добычи, мы будем инвестировать в переработку и нефтехимию», – заявил Н. Даффин.

В свою очередь глава Eni Клаудио Дескальци отмечает такие факторы, как географическая диверсификация бизнеса и ускорение темпов реализации новых проектов. За последние шесть-семь лет Eni провела масштабные геологоразведочные работы, были открыты 3 млрд барр. н. э. запасов. При этом акцент делался на поиск наиболее экономически эффективных ресурсов. Компания активно работала в таких странах, как Египет, Индонезия, Конго и других.

Как отмечает К. Дескальци, положительным моментом стало снижение конкуренции со стороны американских компаний, многие из которых сосредоточились на проектах на территории самих США ввиду сложившихся там благоприятных условий.

Что же касается ускорения реализации проектов, то здесь ярким примером может служить освоение месторождения Зор в Египте. Добыча на нем была начата уже через 22 месяца после открытия, что является крайне коротким сроком для шельфового объекта. Есть и другие секреты успеха. «Мы повышаем уровень технологий, используем ноу-хау и лучших специалистов, для того чтобы снижать риски», – подчеркивает К. Дескальци.

Стремясь соответствовать вызовам сегодняшнего дня, некоторые компании меняют не только страте-

гию, но и название. Так, знаменитая норвежская компания Statoil недавно была переименована в Equinor. «Мир вокруг нас меняется очень быстро. И если мы хотим оставаться на передовой развития энергетики, нам надо меняться еще быстрее. Equinor – это имя, которое представляет нашу сущность и то, к чему мы стремимся. Оно олицетворяет баланс, равновесие. Мы стремимся к 2030 году тратить 15–20% наших инвестиций на возобновляемые источники энергии. Но 80–85% будем расходовать на нефть и газ. Поэтому равновесие очень для нас важно», – отметил исполнительный вице-президент компании Ал Кук.

В Китае в 2017 году спрос на газ вырос более чем на 15 %, до 237 млрд м³ – это самый высокий показатель за последние годы

Своим видением вызовов энергетики будущего поделился глава Glencore Айван Глазенберг. Он отметил, что, согласно прогнозам, к 2030 году в мире должно эксплуатироваться 30 млн электромобилей. Но для производства их аккумуляторов нужны большие объемы кобальта, алюминия, марганца и других элементов. Следовательно, добычу некоторых металлов придется увеличить в разы. Возможно ли это? Поэтому нужны новые технологические решения для производства аккумуляторов.

В обозримой перспективе мировой энергетики вряд ли удастся полностью отказаться от угля, особенно в развивающихся странах. Значит, требуется создавать более чистые технологии угольной генерации.

Еще одна важная область – развитие технологий накопления электроэнергии, что также связано с разработкой аккумуляторов нового поколения.

НЕЗАМЕНИМЫЙ ГАЗ

Отдельная сессия ПМЭФ-2018 была посвящена развитию газовых рынков. Ее участники также с прискорбием констатировали, что сегодня в этой сфере все большую роль играют не экономические, а чисто политические факторы.

Глава «Газпрома» Алексей Миллер напомнил, за последние 20 лет потребление первичных энергоресурсов в мире выросло почти в полтора раза, а электроэнергии – на 80%. При этом 80% глобального топливно-энергетического баланса (ТЭБ) приходится на классические ископаемые топлива – нефть, уголь и газ. И всего-навсего 3% – на солнечные панели и ветровые установки.

Упомянутый прирост потребления был на 85% обеспечен «классикой». При этом газ внес свою существенную долю в общий результат – 25%, про-

тив 8%-го вклада возобновляемых источников. К тому же ведущие позиции в структуре ВИЭ занимают старая добрая гидроэнергетика и... дрова. А доля солнца и ветра остается незначительной. Хотя за последние 10 лет в эту сферу было инвестировано \$2,5 трлн. И прирост установленной мощности в данном секторе составил 770 ГВт, что обеспечивает около 5% выработки всей мировой электроэнергии.

Рост потребления первичных энергоресурсов сопровождался аналогичным увеличением выбросов CO₂ – в полтора раза. То есть, несмотря на все усилия по развитию ВИЭ, данное соотношение не меняется. Значит, установка исключительно на возобновляемые источники энергии не работает, а цель декарбонизации мировой экономики – это утопия.

«Мы должны понимать, что в следующие 20 лет роль ископаемых источников также останется значительной. А самое главное – в этой доли ископаемых источников и будут происходить самые значимые изменения, именно благодаря увеличению объемов производства и потребления природного газа и, соответственно, увеличению доли природного газа в мировом топливно-энергетическом балансе. На сегодняшний день доля газа в мировом ТЭБ где-то около 22%, газ уступает и нефти, и углю.... К 2035 году газ не станет доминирующим энергоресурсом. Но доля газа в мировом ТЭБ как минимум сравняется с долей нефти. Мы являемся оптимистами, и надеемся, что эта доля будет больше. Этот сценарий является абсолютно реалистичным», – заявил А. Миллер.

Глава «Газпрома» напоминает, что солнечная и ветровая энергетика требуют практически 100%-го резервирования мощностей с использованием традиционных топлив. Но насколько будет конкурентоспособна такого рода модель? Не потребует ли она субсидирования со стороны рядовых потребителей?

Между тем газ обладает рядом очень важных конкурентных преимуществ. Во-первых, он является самым чистым ископаемым топливом. Во-вторых, его запасы очень велики и доступны для освоения. Наконец, в-третьих, в настоящее время развиты технологии добычи, транспорта и хранения этого энергоресурса, а газовый бизнес является высококорентабельным. Поэтому доля «голубого топлива» в мировом ТЭБ будет расти, в первую очередь за счет электроэнергетики и транспортного сектора.

Газовые электростанций имеют высокую эксплуатационную гибкость, что повышает привлекательность газа в качестве сырья для электроэнергетики и теплоэнергетики. Например, в Германии доля газа в отоплении жилого сектора составляет 50%.

Достоинство газа в транспортной сфере – его дешевизна. Так, на европейском рынке компримированный газ (КПГ) на 48% дешевле бензина, на 31% – дизеля. За 10 евро на КПГ можно проехать расстояние в 2,4 раза больше, чем на бензине, и в 1,7 раза больше, чем на дизеле.

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

Алексей Миллер подчеркивает, что в России газ останется в ближайшие десятилетия стратегическим ресурсом развития. Положительным фактором, влияющим на отечественную газовую отрасль, будет близость двух самых крупных и динамичных рынков – Европы и Китая. Европейский рынок демонстрирует рост спроса на 5% в год, при этом там наблюдается сокращение собственной добычи. В Европе уменьшаются и размеры геологических запасов газа – на 1,5 трлн м³ с 2006 года. В результате остаточные запасы составляют ныне всего-навсего 1,3 трлн м³.

Это значит, что открывается ниша для новых объемов импорта, в том числе из России. К 2035 году собственная добыча в Европе снизится еще в два раза, а дополнительные возможности для поставок газа составят около 200 млрд м³ в год. Без сомнения, значительная доля этих 200 млрд м³ будет приходиться на российский газ. «Мы можем поставить в Европу столько газа, сколько Европе потребуется», – пообещал А. Миллер.

Что касается Китая, то там в 2017 году спрос на газ вырос более чем на 15%, до 237 млрд м³ – это самый высокий показатель за последние годы. А импорт увеличился почти на 30%. К 2020 году Пекин планирует нарастить потребление «голубого топлива» до 360 млрд м³, увеличив его долю в национальном энергобалансе с 7 до 10%.

Китайские власти стремятся сохранить паритет между импортом трубопроводного и сжиженного газа. В результате к 2035 году ниша для дополнительных объемов трубопроводного газа в Китае составит где-то 180–200 млрд м³. По оценкам «Газпрома», из них 80–110 млрд м³ будет приходиться на российское сырье.

Закупки СПГ Китаем к 2035 году могут достигнуть 150–180 млрд м³ (110–130 млн тонн). На КНР будет приходиться около 30% прироста глобальной торговли сжиженным газом.

«Мы в своих планах учитываем все эти тенденции. В первую очередь речь идет о крупных инфраструктурных проектах. 20 декабря будущего года мы начнем поставки в Китай по газопроводу «Сила Сибири». Что касается европейского рынка, мы уже закончили строительство первой нитки морского участка проекта «Турецкий поток». И готовы начать строительство газопровода «Северный поток-2», – сообщил А. Миллер.

«ГАЗПРОМ» НЕ ДАСТ ЗАМЕРЗНУТЬ

Оценки главы «Газпрома» во многом разделили другие участники дискуссии. Так, главный исполнительный директор Wintershall Holding Марио Мерен напомнил, что на вопрос о том, является ли газ эффективным энергоносителем, ответили еще 10 лет назад. Тогда Международное энергетическое агентство

опубликовало доклад под названием «Золотой век газа». В нем отмечалось, что именно газ позволяет достичь целей глобальной экологической политики.

М. Мерен подчеркивает: усилиями таких компаний, как «Газпром» была создана хорошая платформа для золотого века газа. И к 2040 году данный энергоресурс будет по-прежнему использоваться во многих сферах. Однако в последние 10 лет европейская энергетическая политика пошла совсем не в том направлении, в котором нужно. В качестве примера М. Мерен приводит неудачную попытку Германии сократить выбросы вредных веществ за счет развития возобновляемой энергетики. Поставленные цели так и не были достигнуты.

По мнению главы Wintershall, технологии для улучшения экологической обстановки уже существуют, и они основаны на использовании газа. Для достижения целей Парижского соглашения европейским странам надо расширять потребление газа, а не сокращать его. Но где взять его дополнительные объемы?

«Необходимо прекратить кампании за или против каких-либо источников газа. Не стоит обсуждать, хороший газ или плохой. Сегодня в Европе звучат оценки, что газ, который поступает из России, это «плохой» газ, а СПГ из Соединенных Штатов – «хороший». Возникает впечатление, что газ, который будет идти по «Северному потоку-2», – «очень плохой». А газ, который мы получаем через Украину, якобы, может быть «приемлемым». Какая-то странная дискуссия», – иронизирует М. Мерен.

Он также напоминает ситуацию, сложившуюся в Европе в марте нынешнего года, когда стояла очень холодная погода. Все ждали увеличения поставок СПГ, но они так и не пришли. Цены в Азии и США оказались выше, и сжиженный газ ушел туда. «Единственный, кто нам поставил дополнительные объемы газа, – это Россия, «Газпром»... Европа уже 50 лет сотрудничает с российскими газовиками, и это положительный опыт партнерства. Поэтому необходимо осуществлять энергетическую политику Европы таким образом, чтобы торговля была взаимовыгодной... Нам в Европе потребуются дополнительные объемы газа, и мы должны развивать нашу энергетическую инфраструктуру, иначе мы утратим свою конкурентоспособность. И хорошо бы, чтобы было меньше политики», – резюмирует М. Мерен.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ОШИБКИ

Аналогичные оценки озвучил генеральный директор компании OMV Райнер Зеле: «На глобальном уровне мы должны готовиться к эпохе газа. Не важно, о каком континенте или стране мы говорим. В любом уголке планеты мы видим отличные перспективы для роста газового рынка. Природный газ – это действительно лучший источник энергии в будущем».

Как и Марио Мерен, он указал на явные ошибки в европейской энергетической политике. После ката-

строфического цунами в Японии, приведшего к аварии на АЭС «Фукусима», Старый свет пытался переориентировать свой ТЭК с атомной энергетики на возобновляемые источники. Были потрачены огромные деньги. Но в итоге, как уже отмечалось, в той же Германии выбросы CO₂ только увеличились. Почему? Потому что страна импортировала дешевый уголь из США и закрыла газовые электростанции. «Мудрые европейские политики сегодня готовятся к тому, чтобы отойти от угля в пользу газа. Это огромный потенциал для изменений в энергетике. Таким образом мы сможем буквально уже завтра снизить выбросы CO₂ в ТЭК на 40%. И это стимул для роста потребления газа на европейском рынке», – отмечает Р. Зеле.

Вслед за Алексеем Миллером, он обращает внимание на большие перспективы газа в транспортном секторе. «Среди европейских политиков распространилась новая болезнь – они считают, что электромобили спасут наш климат. Но если сами электромобили не дают выбросов, это не значит, что их нет – выбросы образуются в месте производства электроэнергии. Если она вырабатывается на угольных электростанциях в Польше, это не способствует защите окружающей среды. Альтернатива – автомобили, которые ездят на природном газе. Такая инфраструктура в Европе уже есть, но нам нужны тысячи новых газовых заправок... Отрасли надо взять на себя обязательства в сфере газомоторного транспорта такие же, как в отношении электромобилей», – убежден Р. Зеле. Большие перспективы для газа он видит и в секторе морского транспорта.

Для достижения целей Парижского соглашения европейским странам надо расширять потребление газа, а не сокращать его

Но тут опять-таки вмешивается политика, которая препятствует нормальному развитию европейского газового рынка. «Безопасность поставок становится серьезной проблемой. Когда я общаюсь с европейскими политиками, в частности из Еврокомиссии, они говорят: не надо касаться этого вопроса. Иными словами: не надо покупать дополнительный газ в России. Разве это правильная концепция? Какие есть альтернативные варианты? Мы покупаем газ у Норвегии, но ее потенциал ограничен. Мы можем покупать у Северной Африки, хотя это связано с геополитическими рисками. Могли бы у Ирана, но на него опять собираются накладывать санкции. У нас есть новый источник – США. Но есть небольшая загвоздка с ценами... Кто будет покрывать дополнительные расходы на приобретение американского газа? Готовы ли потребители платить премию поставщикам за диверсификацию? Если я раскрашу

поставляемый газ в цвета американского флага и потребую за него больше денег, меня просто не поймут. Поэтому рынок будет решать, какой газ будет потребляться в Европе. Мы не должны пытаться обойти рыночные правила путем применения санкций в отношении компаний-поставщиков», – эмоционально описывает сложившуюся ситуацию глава OMV.

По его мнению, самый надежный газ – поступающий из России. Причем он вполне конкурентоспособен по цене. Поэтому Европе необходимо подготовиться к увеличению импорта «голубого топлива» из РФ. Например, сегодня в Австрию российский газ поставляется только через территорию Украины. «Если бы у меня была возможность построить дополнительную линию для поставки, я бы согласился с таким вариантом. Поэтому мы поддерживаем проект «Северный поток-2», – четко расставил акценты Р. Зеле.

На политическую неразбериху сетует и главный исполнительный директор итальянской компании Snam Марко Альвера. «Ситуация на европейском рынке сложная и запутанная... Сейчас все сконцентрировалось не на том, на чем следовало бы концентрировать свое внимание. Наша главная задача – избавиться от угля, чтобы сократить выбросы CO₂... Ценовые факторы говорят в пользу газа», – отмечает он.

При этом М. Альвера подчеркивает, что Италии, возможно, в ближайшие 5–10 лет потребуются на 30% больше газового импорта. «Откуда возьмется дополнительный газ? Европейский газ очень дорогой. Нам нужен импорт с Востока», – резюмирует он.

НОВЫЙ РЫНОК ДЛЯ «ГАЗПРОМА»

Впрочем, российский газ ждут не только в Европе. Об интересе к «голубому топливу» из РФ заявил председатель и управляющий директор индийской компании Srei Infrastructure Finance Хемант Канория. Он отметил, что Индия является одним из подписантов Парижского соглашения и стремится к соблюдению положений этой конвенции. В этих целях предпринята программа инвестиций.

В Индии имеется значительный потенциал для развития гидроэнергетики, солнечной и ветровой энергии. А вот собственные запасы газа в стране пока невелики. Поэтому мощность газовых электростанций составляет всего 8,7 ГВт. Тем не менее правительством и частным сектором было принято решение о масштабном развитии газовой инфраструктуры, которая позволит доставлять «голубое топливо» от приемных терминалов СПГ до крупных и даже небольших городов.

«Доверие к газу в Индии очевидно, мы бы хотели расширить его применение. В том числе для производства удобрений и других видов продукции. Мы стимулируем иностранные компании создавать инфраструктуру. Обсуждались перспективы сотрудничества и с «Газпромом». Индия могла бы стать одним из направлений поставок «Газпрома», – сообщил Хемант Канория. 🇮🇳